

various institutional political aspects of labor migration are laid down. This article explores the political and language segment of labor migration as a priority of Russian state policy.

Keywords: *political science, institute of labor migration, political institution, political technology, state policy, Russian language, test, migrant worker*

ФОМИН Алексей Валерьевич – аспирант кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31А; alexej.fomin@gmail.com)

РАССЕЛОВСКАЯ ГРУППА ИЛИ ЛИГА ПЛЮЩА В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ РЕАЛИЯХ

Аннотация. В статье исследуется проблема связи политической и деловой элиты и высшего образования. Проводится сравнение с зарубежным опытом (на примере США и Великобритании). Выявлены ведущие российские вузы, готовящие представителей политической и деловой элиты страны. Автор выявляет особенности политических пристрастий выпускников отдельных российских элитных вузов.

Ключевые слова: политическая элита, Расселовская группа, Лига плюща, высшее образование, ГУ–ВШЭ, РАНХиГС, СПбГУ, МГУ им. М.В. Ломоносова

Нельзя не отметить, что государства с развитыми демократическими традициями обладают и весьма развитыми традициями в области элитного образования. В Великобритании издавна функцию основных поставщиков кандидатов в элиту выполняют 24 самых привилегированных университета так называемой Расселловской группы (*Russell Group*), в числе которых знаменитые Оксфорд и Кембридж. В основе своей кандидаты в британскую элиту являются выходцами из одних и тех же престижных школ и вузов, ведут одинаковую клубную жизнь, фактически имеют одну образовательную основу. Однако это вовсе не означает выраженной однонаправленности их политического мышления и убеждений [Лиферов 2015: 11]. В США имеется так называемая Лига плюща (*Ivy League*), включающая в свой состав 8 старейших университетов США, а именно: Гарвард (*Harvard*), Принстон (*Princeton*), Йель (*Yale*), Дартмут (*Dartmouth*), Брауновский (*Brown*), Колумбийский (*Columbia*), Корнелльский (*Cornell*), Пенсильванский (*Pennsylvania*) университеты.

Взаимосвязь между образовательным уровнем и принадлежность к политической или деловой элите не носит однозначный характер. Скорее можно утверждать следующее: действительно, среди представителей политической и деловой элиты стран с развитыми демократическими и образовательными традициями большинство составляют выходцы из элитных учебных заведений, но отсутствие элитного образования может компенсироваться харизмой, твердостью характера, стремлением к самообразованию и т.д.

Впрочем, утверждать всерьез о том, что не имеющие элитного образования *self-made men* в скором времени вытеснят на обочину государственных деятелей и бизнесменов с элитным образованием, не следует. Разумеется, вполне можно вспомнить, что «когда актер Рональд Рейган выдвигался на пост губернатора Калифорнии, один из корреспондентов задал ему язвительный вопрос: “Как Вы, человек, не имеющий экономической или юридической подготовки, необходимого организаторского опыта, собираетесь стать во главе крупнейшего и наиболее развитого штата страны?” На что тот без тени смущения ответил: “Мне

приходилось играть роли королей и императоров, а уж с ролью губернатора я как-нибудь справлюсь» [Лиферов 2015: 9-10]. Всем прекрасно известно, что Р. Рейган справился не только с ролью сенатора, но также и с ролью главы государства. Указанное, правда, отнюдь не означало и не означает, что Голливуд вместо Лиги плюща стал главной «кузницей кадров» американского истеблишмента.

В нашей стране, несмотря на наличие крупных международно признанных высших учебных заведений, аналогов Расселовской группы или Лиги плюща до недавнего времени не было. Причин тому несколько. Во-первых, в СССР отсутствовала традиция функционирования элитных закрытых колледжей с особым корпоративным духом (имелись лишь военные учебные заведения такого рода – суворовские и нахимовские училища). Во-вторых, масштабы страны способствовали развитию высшего образования на периферии, что позволяло готовить кадры для нужд хозяйственного развития регионов на местах. В-третьих, важно отметить, что и в советские годы (в т.ч. и в период перестройки), и после распада СССР в состав политической и деловой элиты страны было рекрутировано немало выходцев из провинции, многие из которых имели лишь профильное образование, полученное в своем регионе. В-четвертых, до недавнего времени образовательный уровень не играл порой не то что решающей, но даже значимой роли для рекрутирования политической и деловой элиты. Таковой считался куда как менее важным в сравнении с харизмой, умением приспосабливаться к обстоятельствам, медийной активностью, положительным имиджем в глазах избирателей (это требовалась политическим деятелям), а также недюжинной деловой хваткой, наличием связей (означенное было необходимо для предпринимателей, в т.ч. и крупных). В результате у многих в России, причем как у лиц, причастных в той или иной мере к политической и деловой элитам, так и весьма далеких от них, сложились представления, согласно которым а) учиться управлению государством «не надо» и б) чему успешного бизнесмена или управленца может научить бедный профессор экономики?

В начале нулевых годов в рамках процесса укрепления государственных институтов происходило не только усиление реальных рычагов влияния органов исполнительной ветви власти, но также и превращение парламента в соответствующий реалиям XXI столетия законодательный орган. Капитализм первой половины 1990-х гг., основанный либо на либеральном фундаментализме, либо на криминальных понятиях, также стал отходить в прошлое. В новых условиях как государственным служащим разного ранга, так и представителям бизнес-сообщества потребовалось образование, преимущественно юридическое или экономическое (в т.ч. и управленческое).

По сути, именно появление госслужащих и топ-менеджеров на студенческой скамье не могло не дать новый стимул для соединения науки и практики [Лазутина и др. 2014: 239], благо таковое является источником социокультурного и исторического развития любого общества и каждой личности в нем [Голуб, Голуб 2014: 12] и к тому же содействует реализации принципов устойчивого развития как научно-практического проекта [Памятушева 2014: 90]. Исследователи отмечают, что «никакие, даже самые интерактивные лекции и семинары, деловые игры или тренинги не могут стать основой профессионального опыта и в полной мере сформировать профессиональную культуру госслужащего. Студентам необходимо общение со специалистами из различных структур государственного и муниципального управления» [Колодина 2013: 53]. В то же самое время пришедшие на студенческую скамью госслужащие как раз этой самой профессиональной культурой и обладают, что, естественно, облегчает образовательный процесс. Таким образом, в прошлом десятилетии в Российской Федерации стала

складываться адекватная текущему моменту модель российского университета, опирающаяся на тесное взаимодействие власти, высшей школы и фундаментальной науки по известному на Западе принципу *town and gown* (город и мантия), подразумевающему создание настоящего союза в рамках триады «власть – наука – общество» [Колобов 2003: 108].

Исследователи также отмечают, что во многих случаях именно широкий спектр профессиональной направленности, получение второго высшего образования или ученой степени административно-политической элитой позволяет ей использовать этот образовательный потенциал при решении ключевых вопросов в политике [Самохина 2014: 181]. Важно упомянуть, что в настоящее время около половины всех представителей административно-политической элиты получили второе высшее образование всего в 6 престижных вузах страны – Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московском государственном юридическом университете имени О. Кутафина (36,9%), Санкт-Петербургском государственном университете (некоторое свое отставание от двух предыдущих вузов он с лихвой компенсирует тем фактом, что Санкт-Петербургский государственный университет, точнее, один только его факультет – юридический, дал четырех лидеров российского государства – А.Ф. Керенского, В.И. Ульянова (Ленина), В.В. Путина и Д.А. Медведева), Общевоинской академии Генштаба Вооруженных сил РФ (по 2,8%), Военной академии Генштаба Вооруженных сил РФ (2,3%) и Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (2,3%) [Лиферов 2015: 31]. Нельзя также не упомянуть и Государственный университет – Высшую школу экономики, в которой получили образование (как второе, так и первое) немалое число топ-менеджеров крупных российских компаний.

Кроме того, означенные 7 вузов предоставляют большой выбор магистерских программ (уже давно отмечалось, что при двухуровневой системе у студента больше возможностей для осознанного выбора профессиональной специализации [Двухуровневая система... 2007: 8]). Еще в недавнем прошлом едва ли не большинство представителей российского образовательного сообщества относились к магистратуре весьма скептически, а то и прохладно, однако в последние годы стало очевидным, что магистратура доказала свою состоятельность как ступень образования [Марголис 2014: 159-160]. Обучение в магистратуре в настоящее время дает возможность государственному служащему или топ-менеджеру не только получить вожеленные корочки, но и действительно повысить уровень своей компетентности. Особенно это касается такой важной для государственных служащих составляющей профессиональной подготовки, как коммуникативная компетенция [Кондратьева 2012: 26].

Можно даже признать, что в чем-то ситуация с элитным образованием в современной России начинает быть схожей с той, что наблюдалась в Великобритании столетие назад. Там, как известно, видные члены Расселовской группы – Кембридж и Оксфорд являлись своего рода «поставщиками кадров» для консервативной партии, в то время как Лондонская школа экономики и политических наук являлась оплотом лейбористов. В российских реалиях все не столь однозначно как в высших эшелонах власти [Кочетова, Кудрина, Фоменков 2015: 714-715], так и в элитных вузах, однако можно утверждать, что РАНХиГС ориентирована в первую очередь на подготовку и переподготовку государственных служащих, отличающихся «здоровым консерватизмом», в то время как ГУ–ВШЭ содействует подготовке и переподготовке топ-менеджмента крупных компаний, а также служащих министерств, входящих в экономический блок. Выпускники ГУ–ВШЭ в целом отличаются либеральными убеждениями [Пахомова 2015: 90].

Имеются различия и в образовательном процессе. Так, РАНХиГС специализировалась прежде всего на обучении по программам, дополнительных к высшему образованию: МВА, программы переподготовки и повышения квалификации [Гаврилина, Аракелян 2014: 54]. Государственный университет – Высшая школа экономики (ГУ–ВШЭ) с момента своего создания в 1992 г. ориентировался на отбор и внедрение наиболее эффективных организационных форм, причем часто внедрял те из них, что были приняты на Западе [Радаев 2006: 10]. Кроме того, в ГУ–ВШЭ развита практика приглашения профессоров из зарубежных университетов, что способствует улучшению знаний английского языка у студентов, развитию сотрудничества с иностранными вузами, а также трудоустройству выпускников за границей [Барановская, Успенская 2009: 48].

Таким образом, следует согласиться с тем, что «в системе национальной безопасности образование играет огромную и все возрастающую роль. Оно выступает одновременно как ее объект, ресурс и средство и создает, укрепляет фундамент будущего благополучия нации и безопасности страны [Горбачев 2014: 85]. В современной Российской Федерации происходит становление аналога британской Расселовской группы или американской Лиги плюща. В его состав входят 7 ведущих российских вузов, дающих высококачественное профильное образование и переподготовку в области экономики, юриспруденции и государственного управления. Имеются также и различия в политических пристрастиях выпускников отдельных российских элитных вузов.

Список литературы

Барановская Т.А., Успенская Е.А. 2009. ГУ–ВШЭ на пути к интеграции в европейское образовательное «пространство». – *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. № 7. С. 47–48.

Гаврилина О.П., Аракелян А.Э. 2014. Позиционирование программ высшего профессионального образования РАНХиГС при Президенте РФ. – *Механизация строительства*. № 8(842). С. 54–58.

Голуб Л.В., Голуб В.В. 2014. Наука и практика: опыт инновационного развития профессионального образования. – *Среднее профессиональное образование*. № 11. С. 12–15.

Горбачев А.А. 2014. Противодействие манипулированию как важный фактор обеспечения национальной безопасности России. – *PolitBook*. № 4. С. 77–88.

Двухуровневая система не «принудилровка». Как раз наоборот! 2007. – *Аккредитация в образовании*. № 19. С. 8–11.

Колобов 2003. Инновационная модель российского университета. – *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Сер. Инновации в образовании. № 1. С. 105–108.

Колодина Е.А. 2013. Проблемы формирования профессиональных компетенций студентов, обучающихся по направлению «Государственное и муниципальное управление». – *Известия Иркутской государственной экономической академии*. № 3. С. 50–54.

Кондратьева Е.В. 2012. Формирование компетенций у государственных служащих в образовательной системе РАНХиГС. – *Система подготовки управленческих кадров Российской Федерации в условиях модернизации (к 20-летию Президентской академии)*. Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС. С. 26–28.

Кочетова А.М., Кудрина А.А., Фоменков А.А. 2015. Российская элита: от противостояния двух групп к секторальному контролю. – *Молодой ученый*. № 4(84). С. 713–715.

Лазутина А.Л., Мухорина Л.В., Фоменков А.А., Чадаева С.В. 2014. О проблемах

преподавания курса «политология» студентам неополитологических специальностей. — *Среднерусский вестник общественных наук*. № 1. С. 237-240.

Лиферов А.П. 2015. Образование и путь в элиту. — *Психолого-педагогический поиск*. № 3(35). С. 9-40.

Марголис Н.Ю. 2014. Российская магистратура: особенности эволюции и проблемы. — *Вестник Волжской государственной академии водного транспорта*. № 41(41). С. 157-160.

Памятушева В.В. 2014. Связь науки и практики в деле развития России. — *Актуальные проблемы развития науки и образования: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции*. В 7 ч. М.: ООО «Ар-Консалт». С. 88-90.

Пахомова Е.А. 2015. Системный либерализм: истоки теории и практики. — *Научное мнение*. № 1-1. С. 87-91.

Радаев В.В. 2006. Новые формы организации учебного процесса в ГУ–ВШЭ. — *Университетское управление: практика и анализ*. № 4. С. 10-24.

Самохина А.В. 2014. Региональная административно-политическая элита России 1990-х годов: социально-демографические характеристики (на примере Челябинской области). — *Вестник ВЭГУ*. № 5(73). С. 177-183.

FOMIN Aleksei Valer'evich, postgraduate student of the Chair of International Relations and Political Science, Dobroljubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod (31a Minina St, Nizhny Novgorod, Russia, 603155; alexej.fomin@gmail.com

RUSSELL GROUP OR THE IVY LEAGUE IN MODERN RUSSIAN REALITY

Abstract. In the article, the problem of communication of the political and business elite and higher education is raised. The author makes a comparison of Russian and foreign experience (on example of the US and the UK). The article reveals leading Russian universities, preparing the representatives of political and business elite of the country. The author identifies the differences in political preferences of graduates of some Russian elite universities.

Keywords: political elite, Russell Group, Ivy League, higher education, RANEPA, Higher School of Economics, Saint Petersburg University, Lomonosov Moscow State University
